

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д67

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация художника *В. Остапенко*

Под редакцией *О. Рубис*

Донцова, Дарья Аркадьевна.

Д67

Клеопатра с парашютом / Дарья Донцова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Иронический детектив).

ISBN 978-5-04-113899-8

Только-только начальство укаатило в отпуск и Степанида Козлова слегка расслабилась — как на тебе! Прямо в родном бутике косметики «Бак», где она трудится моделью по макияжу, кто-то увел ее любимую сумочку! Хорошо хоть пропажа быстро нашлась и лишилась хозяйка сушей мелочи — дешевого браслетика. Притом на руке остался похожий: коллега Зина, чья машина внезапно взорвалась прямо на заправке, вручила его Степе в больнице. Приятельница перед смертью слезно умоляла ни в коем случае не отдавать безделушку ее милой тетушке Ире, которая тоже работает в магазине «Бак» и строит продавщиц не хуже армейского прапорщика. Степаша выполнила просьбу, и, как оказалось, очень зря! На ночь глядя ее выставили из съемной квартиры, а наутро оттуда вынесли тело девушки, очень похожей на Степу... Похоже, этот браслетик не так прост и ей угрожает нешуточная опасность!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Донцова Д.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113899-8

ГЛАВА 1

— Коня на переправе на осла не меняют...

Я оторвалась от журнала и посмотрела на медсестру, которая меняла капельницу больной.

— Что ты сказала, Анечка?

— Не стоит от добра добра искать, — протянула та, возясь с прозрачным мешком, наполненным физраствором. — Где родился, там и пригодился, устроился на хорошее место — работай, не рыпайся. И в личной жизни так же. Вон, Натка из второй терапии выскочила замуж в семнадцать лет, и... Эй, ты слышишь меня?

— Угу, — протянула я, косясь одним глазом на страницу глянцевого журнала.

Снимок запечатлел женское лицо с нереально длинными и кукольно загнутыми ресницами, с идеально очерченным ртом и нежно-персиковым румянцем на фарфорово-белой коже. Прибавьте к портрету еще роскошные белокурые локоны, в художественном беспорядке разбросанные по плечам, и станет понятно, по какой причине средне-статистическая читательница журнала синееет от зависти, разглядывая фото модели. Но это чувство сразу испарится, едва любительница гламурного чтива переместит взгляд на правую часть разворота — там напечатан снимок девушки, весьма отдаленно похожей на первую. У нее обычная, ничем не примечательная внешность, с которой легко затеряться в толпе. У красотки и этой серой мышки одинаковы лишь шикарные волосы. И через обе страницы тянется «шапка»: «Прекрасными не рож-

даются, ими становятся при помощи косметики фирмы «Бак».

Моделью для рекламы, той самой девушкой, чьи фотографии помещены и справа и слева, являюсь я, Степанида Козлова. Это моя работа — демонстрировать макияж, а также ассистировать Франсуа Арни, главному стилисту фирмы «Бак», гению спонжика, гуру румян и пудры.

Мой босс способен при помощи теней, тонального крема, губной помады и прочих косметических средств превратить зебру в пингвина. Нет, неправильно! Для Арни это слишком легкая задача. Африканская лошадка и обитатель Антарктиды имеют некоторое сходство — у них черно-белый окрас. А Франсуа возьмет табуретку, помашет кистями, и она расцветет майской розой.

Самое удивительное, что на сей раз глянец не сорвал. Слева я, заштукатуренная по полной программе, справа же, так сказать, а-ля натурель. Вот только волосы в обоих случаях тщательно уложены, на мою бедную голову вылили кучу средств. Сначала мою шевелюру покрасили, затем нанесли на нее особую силиконовую массу и высушили, потом все смыли, намазали прозрачную эмульсию для того, чтобы волосы не топорщились секущими кончиками, а через некоторое время опять ополоснули. И дальше по списку: мусс, дающий объем, пенка, помогающая завить тугие локоны, спрей, обеспечивающий блеск, гель для фиксации и лак, который намертво зацементировал волосы. После того как Арни скажет: «Финиш. Моя дорогая, ты принцесса!» — прически лучше не касаться, она напоминает панцирь. И убрать всю эту красоту довольно трудно: льешь после работы на голову шампунь, а он стекает, как масло по льду, не задерживаясь и не пенясь.

Стилисты используют для съемок и показов профессиональные средства, которые имеют намного более сильный эффект, чем те, что продаются в магазинах. Кроме того, у Франсуа есть маленькие собственные личные секреты, которыми мэтр ни с кем не делится. Чтобы добиться сногшибательного эффекта и превратить редкие лохмы в буйную гриву, он с загадочным выражением лица вытаскивает из своего кофра баллончики без опознавательных знаков и щедро опрыскивает волосы модели. Что в них? Не задавайте глупых вопросов, ответов все равно не получите. Правда, мне известна одна забавная история про это средство. Но придется начать издалека.

Французские апартаменты месье Арни расположены в самом сердце шестого округа Парижа — на улице Сен-Бенуа, которая одним концом выходит на шумный бульвар Сен-Жермен как раз в том месте, где с тысяча восемьсот семьдесят седьмого года работает Кафе де Флор. В этом заведении пьет эспрессо и сплетничает вся мировая фэшн-тусовка. Так вот, год назад в квартиру моего босса вторглись мыши. Бульвар Сен-Жермен возник давно, дома на нем очень старые, вернее раритетные, снести их и построить на этом месте современные многоквартирные монстры никто не позволит. Более того, владельцы домов не имеют права на переделки, радикальные тем паче, разрешен только косметический ремонт. У Франсуа, например, нет люстр, потому что ему запретили штробить потолок, по которому идут деревянные балки восемнадцатого века.

Почему бы по-тихому не нарушить закон? Так не получится по-тихому-то! Соседи услышат звук дрели, миглом настучат в районную управу, и тогда жди беды, то есть такого штрафа, что мало не покажется. Кроме того, Арни, как все парижане, тре-

петно относится к истории города и никогда не станет осовременивать свою обитель.

Забуть не могу, как в первый свой приезд в столицу Франции я увидела на улице Сены демонстрацию разгневанных жителей квартала и подумала было, что они протестуют против повышения коммунальных платежей. Ан нет! Оказалось, что владелец одного из местных кафе кардинально изменил его дизайн — повесил вместо зеленых тентов красные, переоборудовал стойку и вместо старых деревянных, помнящих еще импрессионистов столиков поставил их пластиковую имитацию. Разразился страшный скандал, и несчастный хозяин живенько восстановил прежний облик кафе и чуть ли не на коленях умолял разъяренную общественность о прощении. Но, согласитесь, мышей никак нельзя отнести к историческим ценностям, поэтому домработница Франсуа начала бороться с наглыми незваными гостями всеми доступными средствами. Но грызуны никак не реагировали на отраву и успешно избегали капканов.

— Чертовы мыши хитрее самого Фуке¹! — возмущалась горничная, инспектируя мышеловки. — Настоящие гурманы! Сыр сперли и живы остались!

А потом экономка случайно разбила одну из бутылочек, куда Франсуа налил свое средство для укладки волос, и в тот же день хвостатые оккупанты, прихватив детишек, дали стрекача. Соседи моего шефа продолжают жаловаться на нашествие грызунов, а к Арни более ни одна серая тварь не сунулась. И у любого человека в связи с этим возникнет естественный вопрос: ну и из чего, интересно,

¹ Николя Фуке (1615— 1680 гг.) с 1653 года был суперинтендантом финансов и допускал в работе серьезные нарушения. В 1661 году был арестован, спустя три года осужден пожизненно. *(Здесь и далее примечания автора.)*

Франсуа состряпал свой, как он выражается, «при-ма-гель»?

Я ту знаменательную историю вспоминаю всякий раз, когда мне делают прическу...

— Степа, ты меня слышишь? — громко спросила Аня.

Я отвела взгляд от журнала.

— Конечно. Давай определимся, кто он, твой конь на переправе?

— Сергей Петрович из травмы, — смущенно призналась медсестра. — Мы с ним живем третий год, но замуж он меня не зовет.

— А осел? — улыбнулась я.

— Володя, сын больной из третьей терапии, — пояснила Анечка, — тот мне на пятый день знакомства руку и сердце предложил и кольцо подарил. Маша, сестра-хозяйка, советует уйти от Сережи, расписаться с Володей, родить ребенка и не маяться дурью. Говорит, врач — бесперспективная история: раз за столько лет в загс не отвел, то уж и не поведет. А Владимир надежный вариант. И Ленка наша твердит: коня на осла...

Раздался тихий стон. Я кинулась к кровати.

— Зиночка! Ты очнулась?

Аня, вместо того чтобы тоже поспешить к больной, почему-то начала креститься.

— Как самочувствие? — спросила я. И тут же разозлилась на себя: маловероятно, что Зина сможет ответить, бедняжка похожа на мумию, вся обернута бинтами и закована в гипс. Хорошо, хоть дышит сама.

— Степа... — неожиданно произнесла Зина.

Я пришла в восторг:

— Ты меня узнала!

— Браслет... — чуть слышно сказала Зина, — тот... на руке... где он?

Я повернулась к медсестре.

— Она бредит?

Аня подошла к кровати.

— Зиночка, лежи спокойно.

— Степе... дай, — прохрипела больная, — мой...
я... рука...

— Браслетик? — уточнила Аня.

— Да... — выдохнула Зина.

Анечка быстро вышла из палаты в коридор. Я наклонилась над больной, ощутила резкий запах лекарств и спросила:

— Удобно без подушки?

Зина прикрыла глаза.

— Тебе плохо? — испугалась я. — Сейчас доктора позову.

— Нет! — донеслось из бинтов. — Где... мой...

— Я тут, — громко сказала медсестра, возвращаясь и подходя к кровати.

— Дай ей, — четко произнесла Зинаида, вновь открыв глаза.

Анечка протянула мне серебряный браслет с брелоками, я машинально взяла его.

— Спрячь. Никому ни слова. Никому. Никогда! — зашептала Зина. — Секрет. Тайна. Карелия... Карелию... Ирине Марковне нельзя знать. Я тебе верю. Поклянись.

Аня толкнула меня в бок.

— Живо делай, что она просит!

— Может, Зина сначала объяснит, что с этим браслетом делать? — растерянно спросила я.

— Времени нет! — буркнула Аня. — Не нервнируй ее. У тебя всего пара минут. Ну!

— Клянись, — еле слышно прошептала Зина, — спрячу... Ире нет... нет Ире... никогда Ире. Карелия. Карелия. На руку надень... сейчас... Карелия.

Медсестра ущипнула меня, и я послушно сказала:

— Даю самое честное слово, что спрячу браслет до твоего выздоровления и никому о нем не сообщу.

— Ире... Ире... нет... Ире никогда... никогда... Нельзя ей знать! Ключи... ключи... возьми...

— Даже твоей родной тете Ирине Марковне не скажу, — дополнила я свое обещание.

— Поклянись личным счастьем, — чуть окрепшим голосом потребовала Зинаида. — Скажи: обману — Бог накажет...

Меня охватили сомнения. Я уважительно отношусь к священникам. Если приходится по какой-то причине заглянуть в церковь, я всегда повязываю платок на голову. И не пойду туда в брюках, то есть постараюсь соблюсти принятые правила. Но истинной веры в Бога у меня нет, я атеистка.

Аня лягнула меня по ноге.

— Не тормози!

Но мне почему-то не хотелось произносить слова клятвы именно так, как требовала Зинаида. Никакого боженьки на небесах нет, но вдруг, если я сейчас скажу...

— Ты сволочь, да? — свистящим шепотом спросила Аня, глядя на меня страшными глазами. — Говори живо!

Я откашлялась.

— Клянусь своим счастьем, что никому, включая Ирину Ключеву, не проговорюсь о полученном браслете. Верну его только тебе, когда ты поправишься. Пусть меня Бог накажет, если я вру. Зиночка, ты, пожалуйста, не волнуйся!

— На руку его надень и всегда носи, — неожиданно четко и громко потребовала Зина. Затем ее речь снова стала прерывистой: — Только Карелия. Карелия... Помни о клятве... Никогда тебе счастья не будет, если Ире скажешь! Одна Карелия, моя Карелия...

Я сняла со своей руки собственный браслет в виде цепочки с разными висюльками, нацепила Зинин, очень похожий на мой, но явно более дорогой, и сказала:

— Вот, смотри. Твой точь-в-точь, как мой, никто не догадается, что у меня твоя вещь. Когда поправишься, получишь свою собственность назад.

— Не Ире, — зашептала Зина, — Ире никогда... она... мы... у тебя... солдаты... солдаты... король на войне... ключи... увожу ключи...

Раздался резкий писк какого-то прибора, и Аня быстро нажала на красную кнопку в изголовье кровати. Через пару секунд в палату вошли врач и две женщины в белых халатах, меня выставили в коридор. Я села на жесткую скамейку и стала наблюдать, как в палату реанимации к Зине вбегают разные люди. Потом туда привезли пару странных аппаратов, притащили черные, смахивающие на сундуки, чемоданы. В конце концов суета стихла, медперсонал выдвинулся в коридор. Мужчина-врач стянул с рук голубые перчатки, бросил их прямо на пол, недовольно обронив:

— Отметьте время — тринадцать сорок.

Затем он исчез за дверью соседнего помещения.

Женщины-врачи молча направились в противоположный конец коридора, Анечка подобрала скомканные перчатки и взглянула на меня.

— Чего сидишь?

— Как там Зина? — спросила я. — Ей лучше?

— Панина умерла, — буркнула медсестра.

Я вцепилась пальцами в холодную лавку.

— Врешь! Зина очнулась и вполне внятно говорила, она явно пошла на поправку. Ты меня нарочно пугаешь?

— Пошли в сестринскую, чаю налью, — предложила Аня. — Зинаида умерла. Когда я нахожусь на работе, лгу исключительно по приказу профессора.

Да и не врут родственникам, хотя от больного подчас скрывают правду.

Я медленно поднялась и поплелась за медсестрой, повторяя на разные лады одно и то же:

— Как же так? Она разумно беседовала, не бредила. Так из жизни не уходят. Не может быть!

Аня взяла меня под руку.

— Степа, обреченный человек часто перед кончиной приходит в себя. Родственники радуются, а я понимаю — это все. Не знаю, почему так происходит. Вероятно, организм мобилизует последние силы в борьбе за жизнь. Ты чего больше хочешь: чая или кофе?

— Ирине Марковне кто-нибудь позвонит? — тихо спросила я. — Не могу сообщить ей печальное известие.

— Конечно, — ответила медсестра, — с Ключевой свяжутся. Она сюда каждый день приходила, все спрашивала: «Зиночка не очнулась? Ничего не сказала?» Сегодня не явилась, а Панина умерла.

— Мне лучше поехать на работу, — стараясь не расплакаться, сказала я, — дел очень много.

ГЛАВА 2

В поезде метро было полно народа. Я втиснулась между двумя потными, одетыми в ужасающие сарафаны тетками, увидела напротив еще одну в похожей хламиде и закрыла глаза.

Вот скажите, почему бабы, которым, скромно говоря, далеко за тридцать пять, этикие расплывшиеся квашни, не отказывающие себе ни в еде, ни в выпивке и из всех видов спорта предпочитают телевизорбол, считают себя сексуальными нимфами и безо всякого стеснения облачаются в одежду, которую позволит себе не всякая модель с объемами комара? Неужели они на самом деле считают,

что, выставив напоказ необъятный бюст, станут объектом вожделения всех мужчин на свете? И по какой причине некоторые женщины никогда не делают педикюр, но смело натягивают босоножки? И, похоже, красавицы, сопящие сейчас рядом со мной, не слышали ни об эпиляции, ни о дезодорантах. Очень хочется растолкать их локтями и сказать:

— Тетки, вам не мешало бы помыться, перед тем как лезть в общественный транспорт! И непременно купите себе средство от пота. Не нойте, что у вас нету денег на дорогую косметику и парфюмерию, — дешевенькие стики и спреи легко можно купить в любом супермаркете. А квасцы в аптеке и вовсе продают за копейки.

Я стояла и старалась не дышать. Вот от покойной Зины всегда пахло жасмином... Меня никак нельзя назвать близкой подругой Паниной. Мы просто вежливо здоровались и улыбались друг другу. А потом, это было год назад, Зиночка познакомилась с моей бабушкой, Изабеллой Константиновной. Белка в очередной раз приехала к нам в офис — ей очень нравится приходить ко мне на работу, вот она и выдумала для этого благовидный предлог, уж не помню сейчас какой. Чтобы не посрамить внучку, которая работает моделью по макияжу в фирме «Бак», она разodelась по последней моде. Я до сих пор гадаю, где Белка раздобыла жилет под леопарда, черные джеггинсы с золотыми молниями на голених и кислотно-зеленую блузку. А еще, строго следуя указаниям глянцевого журнала, она обвесилась бусами-браслетами, влезла в босоножки на высоком тонком каблуке, завила волосы мелким бесом и наложила скромный макияж. Я прямо дара речи лишилась, когда узрела бабулю во всей этой красе, да еще и с сумкой в виде собачки в руках. Насчет последнего аксессуара надо ска-

зять отдельно. Если за все людские грехи на землю обрушится новый Всемирный потоп и народ бросится к лодкам и кораблям, то Белка, конечно, тоже ринется в какую-нибудь шлюпку, не вспомнив ни о документах, ни о деньгах, ни о хлебе, а вот ридикюль в виде барбоса прихватит непременно. Сумок и сумочек в форме четвероногого друга человека у бабули не счесть. В этот день для визита ко мне она выбрала самый роскошный — усыпанный стразами.

Пока я пыталась прийти в себя от Белкиной «неземной красоты», в комнату, где мы находились, заглянула Зинаида, управляющая первого этажа бутика «Бак», и в секунду нашла с Изабеллой общий язык.

Чего-чего, а чванства в Паниной не было, она одинаково приветливо разговаривала с байерами, моделями, стилистами, продавщицами и уборщицами, никогда не пресмыкалась перед vip-клиентами и не корчила презрительной гримасы при виде скромно одетой женщины, заглянувшей в шикарный многоэтажный магазин «Бак», чтобы приобрести тюбик губной помады, да и тот по скидке. Незадолго до несчастья, случившегося с Зиной, я после совещания у хозяина возвращалась в свой офис через торговый зал и увидела, как Панина объясняет старушке, одетой очень бедно, разницу между шампунем и кондиционером. Пенсионерка в конце концов решила на покупку, и Зиночка засунула ей в пакет гору бесплатных пробников. А вот ее тетка Ирина Марковна Клюева, та совсем другая.

Ирина руководит всем бутиком, она директор. Племянница находилась у нее в подчинении. Клюева вспыльчива, обидчива и склонна подозревать окружающих в стремлении навредить ей. Если Клюевой взбредет в голову пробежаться по отде-